

*Я посвящаю эту книгу трем замечательным людям.
Прежде всего моему наставнику Эдварду Уилсону —
его поэтический дух, десятки лет работы по уста-
новлению взаимосвязей между разными областями
науки и неустанная поддержка при построении
стольких карьер, в том числе и моей необычной,
вызывают благоговейный трепет*

*Недавно ушедшему великому Ирвину Девору,
который воспитывал критическое мышление
у целых поколений антропологов и проводил часы
в беседах с Эдвардом Уилсоном*

*Мелиссе Уэллс, моей великолепной жене
и партнеру, которая верит в меня*

— Стало быть, как раз это и служило нашим правителям пределом для необходимой величины устраиваемого ими государства; и соответственно его размерам они и определяют ему количество земли, не посягая на большее.

— О каком пределе ты говоришь?

— По-моему, вот о каком: государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого.

— Прекрасно.

Платон. Государство
(пер. с др.-греч. А. Н. Егунова)

Предисловие научного редактора

Книга «Человеческий рой» посвящена захватывающей и важной для любого человека теме — осознанию себя как части общества и рассмотрению самого феномена общества под лупой эволюционных процессов в животном мире. Марк Моффетт — ученый-биолог, занимающийся изучением общественных насекомых. Немаловажным обстоятельством, подтолкнувшим его на написание книги о сути сообществ, простых и сложных, животных и человеческих, вероятно, следует считать ее величество Удачу: наставником (о чем он сам пишет в своей книге) оказался сам Эдвард Уилсон, основоположник социобиологии и один из крупнейших популяризаторов науки второй половины XX — начала XXI в. Интерес Моффетта к природе общества и его сущностных свойств, таким образом, унаследован в период становления Моффетта как ученого. От своего наставника автор заимствовал представления о сходстве социальной организации общественных насекомых и человека. А его размышления о месте человека в природе и сути человеческого поведения во многом перекликаются с мыслями самого Эдварда Уилсона*. Моф-

* *Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. Harvard University Press, 2000; Wilson E. O. Organization of insect societies: from genome to sociocomplexity. Harvard University Press, 2009; Wilson E. O. Biophilia. Harvard University Press, 1984.*

фетт пишет о сходстве и различии социальных объединений обезьян, прежде всего человекообразных, и человека, об эволюционных путях и трансформациях, происходящих с обществом в процессе гоминизации, о роли языка и сознания в формировании культурных норм и традиций, обеспечивающих уникальность каждого человеческого общества. И в этих размышлениях также ощущается незримое присутствие Уилсона*.

Впрочем, Марк Моффетт идет своим путем, углубляясь в размышления о трансформациях человеческих обществ от простых к сложным, о сложностях функционирования больших анонимных обществ в прошлом и настоящем, о развитии идентичности в условиях государственных образований, включающих представителей множества этносов и рас. Эти вопросы он обсуждает во многом скорее как дилетант, погружившийся в антропологию, как популяризатор науки, пытливо и вдумчиво проводящий время в беседах со всемирно известными антропологами. Книга представляет собой увлекательное путешествие в далекое прошлое человечества, в разные исторические периоды, включая современность, а также по странам и континентам.

Далеко не все размышления автора мне представляются безупречными, часть идей спорными или вовсе не согласующимися с моими собственными убеждениями и установками. Тем не менее книга заставляет активно размышлять как на фундаментальные темы эволюции животного мира, так и о месте человека в природе. Автору удалось показать колоссальное разнообразие культурных норм и моральных правил у людей, занимающихся охотой и собирательством, земледелием и скотоводством, от простых, эгалитарных до сложных государственных образований и надгосударственных объединений, сформированных с целью унификации политических и экономических установок и правил поведения.

Человеку индустриального общества, к каковым, несомненно, относится читатель этой книги, необычайно сложно

* *Lumsden C.J. & Wilson E.O. Genes, mind, and culture — The coevolutionary process. World Scientific, 2005.*

бывает понять детали повседневной жизни и мировоззрений представителей традиционных обществ. Люди далекие от антропологии, этнографии и истории могут даже заподозрить автора в некоторой попытке приукрасить повествование, чтобы добавить книге приключенческий оттенок. Однако мне представляется, что автор ни на минуту не отклоняется в сторону от намеченной им самим просветительской миссии. Как этолога и антрополога с биологическим образованием, мой собственный опыт общения с охотниками-собирателями, мотыжными земледельцами и пастушескими культурами Восточной и Южной Африки, городским и сельским населением Египта, Таиланда, Индонезии и многих других стран созвучен размышлениям Моффетта на страницах этой книги. Повествования Моффетта непосредственно затронули обсуждение жизни народов, с которыми мне приходилось и приходится работать в настоящее время (хадза, датога, масаи). Вот почему знакомство с книгой пробудило во мне ощущение живой сопричастности. В памяти всплыли сцены жизни этих людей, ясно проступили запахи и звуки.

Будучи, казалось бы, готовой к самым невероятным проявлениям поведенческого разнообразия на фоне единых универсальных установок в отношении стратегий социальной интеграции, репродуктивного поведения, родительской заботы и взаимоотношений между представителями разных возрастных групп, по истечении множества полевых сезонов в прошедшие десятилетия я не устаю поражаться новым фактам из реальной жизни. Путешествия по Африке (прежде всего речь идет о Танзании) все больше убеждают меня в единстве человеческой природы, поразительном сходстве всех людей, независимо от расы, культуры, конфессии и уровня образования. В лицах моих друзей из племени датога (Северная Танзания) я узнаю лица моих школьных друзей. В облике матери нашего египетского друга — знакомые черты милой соседки по дому, угощавшей меня в детстве печеными вкусностями. Облик и добрая улыбка сельского учителя хая с озера Виктория воскрешают давние вос-

поминания о друге нашей семьи, любившем рассказывать удивительные истории из своей необычной жизни.

Что ощущает человек, попадая в совершенно далекую в расовом и культурном плане среду? Страх? Тревогу и дискомфорт? Любопытство? Как долго сохраняется у нас ощущение инаковости, дистанции от принимающей культуры, по-научному именуемое культурным шоком? Впервые попав в Танзанию с моим мужем в 2003 г., мы были поражены тем фактом, как быстро перестали замечать цвет кожи окружающих людей и отличия в повседневном общении. Не меньшее удивление вызвал и тот факт, что беседы с хадза (бродячие охотники-собиратели), продолжавшими по сию пору вести традиционный образ жизни, были зачастую наполнены философским содержанием. Удивительным было и то, что логика наших научных аргументаций далеко не всегда обеспечивала нам преимущества в постоянно возникающих дискуссиях на жизненно важные темы. Проведя долгие месяцы в обществе датога (пастушеское племя), наблюдая их повседневную жизнь и различные церемонии, начинаешь смотреть на мир их глазами и видеть логику в происходящем. Нет, я не стану утверждать, что со временем я стала датога, изменив свою культурную идентичность. Однако взгляды мои на поведение людей и нормы, принятые в столь отличных от нашего «неевропейских» обществах, претерпели существенную трансформацию. Увиденное и услышанное мною в этих экспедициях, пропущенное через сознание, дало поразительный суммарный эффект. Со всей яркостью выкристаллизовалось понимание относительности устоявшихся стереотипных представлений о том, что «правильно» и что «подлежит искоренению», о причинах, по которым многие незападные культуры сопротивляются принятию западных ценностей и установок как единственно возможных в плане общественной организации, семьи, гендерных и возрастных отношений.

Погружение в иную культурную среду таит много открытий, и далеко не все они связаны с ощущением безусловного превосходства современной цивилизации. До настоящего времени да-

тога сохранили внятное представление о том, каково значение большинства проводимых церемоний, и многие собеседники видели интегрирующую для их общества составляющую таких действий. Датогское общество, с точки зрения антропологов, эгалитарно, поскольку не имеет четкой вертикали власти. Важные решения принимаются преимущественно на собраниях местных общин или клановых собраниях, тогда как сходы с участием всех датогских общин — явление исключительно редкое, преимущественно связанное с глобальными катаклизмами — массовым переселением датога с конкретной территории, военными конфликтами с соседними племенами (сукума и масаями). Датога предпочитают не обращаться в случае возникающих семейных ссор и разборок, а также конфликтных ситуаций между соседями (и даже криминальных историй, сопряженных с нанесением травм и увечий, или кражи скота) в полицию, решая возникшую проблему на своих общинных собраниях.

На фоне активных призывов к развитию инициативы снизу по вопросам местного самоуправления, всячески продвигаемых в западных странах, эффективность подобных датогских собраний искренне восхищает. Собрание функционирует как единый организм, все участники с детства знакомы с правилами поведения и санкциями, которые незамедлительно будут предъявлены в отношении нарушителей. В частности, никто не может опаздывать на собрание, намеченное на определенное время суток. Истец и ответчик аргументируют свои действия. Каждый датога имеет право голоса и может высказывать свое отношение по поводу возникшего конфликта. Родственники провинившегося, с одной стороны, готовы прийти ему на помощь, с другой — стараются «не покрывать преступившего закон», поскольку в этом случае автоматически становятся сами соучастниками. Разумеется, на протяжении многих лет работы с датога я неизменно оказывалась участником таких собраний и со временем стала воспринимать их как важный источник информации об основах, цементирующих это общество и свидетельствующих о его эффективном функционировании в наши дни. Логика прини-

маемых решений кристально прозрачна и не позволяет двойных трактовок: все датога прежде всего — члены единого общества, это общество предлагает защиту и покровительство в минуты опасности и лишений, так что нарушение моральных норм и правил сродни приговору.

Приведу один из примеров. Мужчина-датога примерно сорокалетнего возраста отказался выполнять просьбу своего отца. Тот просил его выделить для церемониальных нужд быка из своего стада. Просьба вполне обычная, поскольку церемонии проходят регулярно и каждый датога связан обязательствами перед кланом и соседской общиной предоставлять ритуальных животных (баранов и быков), когда к нему обращаются с такой просьбой. Между тем, когда посланцы отца, молодые мужчины, прибыли забрать быка, означенный человек проявил агрессию. Он не только не дал увести быка, но и угрожал копьем посетителям. Те вернулись ни с чем. Быка выделил другой родственник, но дело не было замято. В срочном порядке созвали собрание мужчин клана. Молодых воинов вновь отрядили к нарушителю, снабдив четкими инструкциями к действию. Прибыв, те не стали вступать в какие-либо пререкания с хозяином. Часть делегации отправилась к стаду и деловито отделила от него быка, а также несколько коров (последних в виде штрафа за доставленные хлопоты окружающим) и отправилась с ними в обратную дорогу. Вторая группа учинила судилище. Провинившегося выпороли сыромятными ремнями и отнесли в мужской дом на его подворье. В силу возникшей временной недееспособности несколько мужчин остались помогать с выпасом стада и ухаживать за избитым сородичем. Спину смазывали лечебными настоями. Чтобы здоровье быстрее восстанавливалось, пострадавшего регулярно поили мясным супом. Когда раны затянулись и мужчина смог самостоятельно присматривать за скотом, посетители покинули его подворье и известили родственников о том, что поручение было успешно выполнено. С этого момента послушник вновь стал равноправным членом клана. Но не для отца. Отец на протяжении многих месяцев отказывался принимать винов-

ника в своем подворье и отсылал своих жен с предупреждением навстречу идущему мириться сыну. Жены, впрочем, проявляли некоторое милосердие, стараясь выступить посредниками в переговорах отца и сына, и убеждали мужа простить ослушника. Но отец оставался непреклонен долгое время, поясняя, что сын опозорил не только себя, но и честное имя родителя. К счастью, время все поставило на свои места, и отец с сыном помирились, на радость родственникам. Раздоры вносят толику ненужной тревоги в повседневное существование датога, и без того изобилующее постоянной борьбой с окружающей природой за скудные пастбища и воду, с извечными врагами масаи и сукума, угоняющими скот, с неумолимым наступлением земледельцев, распахивающих доселе пригодные к выпасу земли.

Доиндустриальные общества, каковыми являются хадза, датога, масаи, живущие в тесной связи со средой обитания и лишь краем соприкоснувшиеся с «благами» западной цивилизации, меняются сегодня на глазах. Этому способствует активная позиция государственных служб Танзании, настаивающих на обязательном школьном образовании для детей, развитие системы доступной медицинской помощи в отдаленных сельских районах, активная международная кампания по обеспечению сельского населения питьевой водой, а также деятельность местных органов власти по вовлечению широких масс сельского населения в общественную жизнь страны. Но даже в этих условиях кодекс моральных норм и установок продолжает оставаться значимым. Проблемы на местах предпочтительно разрешаются силами соседских (или клановых) общин, а не органов государственного правопорядка. Родственные связи остаются краеугольным камнем существования, а забота о родственниках — важнейшим долгом, нарушить который не решаются даже люди, покинувшие общину, переселившиеся в города и получившие высшее образование*. Европейцев удивляет упорное

* *Бутовская М.Л., Ростовцева В.В. Эволюция альтруизма и кооперации человека: Биосоциальная перспектива. М.: Ленанд, 2021.*

стремление этих людей неотступно следовать правилам поведения своей культуры. Особое место в этом списке отводится похоронам и похоронной обрядности. Люди завещают похоронить себя на земле предков (часто речь идет именно об участке близ дома родителей). И эти желания соблюдаются неукоснительно, невзирая на материальные расходы и сложности транспортировки покойного. Присутствие же на похоронах ближайшего родственника — также важнейшая обязанность, пренебречь которой немислимо, невозможно. Привязанность, кооперация, взаимопомощь, получившие столь невиданный размах у нашего вида по сравнению с другими приматами, продолжают цементировать человеческие связи даже на больших расстояниях.

Марк Моффетт сравнивает человеческое общество с социальными образованиями общественных насекомых, и эти сравнения вполне уместны. Но его последующий интерес к устройству социальных систем у широкого круга позвоночных, от рыб до человекообразных обезьян, не случаен. Как эволюциониста, его интересы связаны с выявлением причин и факторов, влияющих на трансформации социального поведения у разных таксонов, роли экологии в усложнении общественных связей, с поиском связей между морфологическими и психологическими преобразованиями, в конечном итоге приведших к возникновению нашего вида. Человека разумного, уникального в своем развитии речи, культуры, техники и искусства. Уникального в стремлении к познанию тайн бескрайней вселенной... Но продолжающего оставаться беззащитным в мире конфликтов и насилия, порожденном им же самим.

*М.Л. Бутовская,
д. и. н., профессор, член-корр. РАН,
зав. центром кросс-культурной психологии и этологии
человека Института этнологии и антропологии РАН*

Введение

Столько, сколько существуют человеческие общества, люди считали, что они меняются, члены этих обществ в их воображении превратились в величественных Людей с большой буквы. И все же, какой бы могущественной ни была принадлежность к обществу в формировании коллективной самооценки граждан, вовсе не на членов того же общества они смотрят совсем иначе: в их глазах именно чужаки претерпевают более радикальные, временами ужасающие изменения. В представлении каждого человека целые группы чужаков могут превратиться в нечто менее человеческое, даже в своего рода паразитов.

В истории есть много примеров, когда чужаков считали столь презренными существами, что их могли раздавить под ногами, как насекомых. Вспомним 1854 год, Территория Вашингтон. Вождь индейского племени сквамиш Сизтл, в честь которого был назван недавно основанный город, только что выслушал речь Айзека Стивенса, вновь назначенного губернатора территории, перед старейшинами племени. Стивенс объяснил, что сквамиш должны переселиться в резервацию. Встав для ответа и возвышаясь над худощавым губернатором, Сизтл на своем родном языке дувамиш горевал о том, что между их обществами существует пропасть, и признал, что дни сквамиш сочтены. Тем не менее он мужественно воспринял новости: «Племя следует за

племенем, а народ — за народом, как волны моря. Таков закон природы, и сожаления бесполезны»¹.

Будучи биологом, занимающимся полевыми исследованиями, я зарабатываю на жизнь тем, что размышляю о законах природы. Я провел многие годы в раздумьях над концепцией того, что мы называем «обществом», изучая человеческие племена и государства. Меня бесконечно увлекал феномен чужеродности: как получается, что незначительные различия превращаются в пропасть между людьми, которая затрагивает каждую сферу жизни, от экологии до политики. Цель книги «Человеческий рой» — разобраться как можно глубже в этом вопросе, исследуя природу обществ *Homo sapiens*, а также сообществ других животных. Основная идея этой книги заключается в том, что, каким бы неудобным это ни казалось, человеческие общества и сообщества насекомых похожи больше, чем нам хотелось бы считать.

Как я убеждался много раз на собственном опыте, для людей любая мелочь может свидетельствовать о чужеродности. В Индии люди обиженно смотрели на меня, когда я брал пищу не той рукой. В Иране я попытался кивком головы выразить «да», а для местных кивок означал «нет». В горах Новой Гвинеи я, сидя на мху, смотрел вместе с целой деревней «Маппет-шоу» по древнему телевизору, работавшему от автомобильного аккумулятора. Зная, что я приехал из Америки и «Маппет-шоу» сделано в Америке, каждый житель деревни недоуменно смотрел на меня, когда на экране свинка — вид, которому они поклоняются, — вальсировала в платье и туфлях на высоких каблуках. Я говорил сам с собой, находясь за пулеметами во время восстания тамиллов на Шри-Ланке, и весь покрылся испариной, пока подозрительные боливийские чиновники выясняли, кто этот очень странный человек и что я делаю — или что мне разрешено делать — в их стране. Дома я видел, как мои сограждане американцы с одинаковым дискомфортом, недоумением и, временами, гневом относятся к чужим. Первая реакция обеих сторон — мысль о том, *насколько чужой этот человек*, несмотря на

абсолютное сходство: люди с двумя руками, двумя ногами и желанием любить, иметь дом и семью.

В «Человеческом рое» я исследую принадлежность к обществу как особую составляющую нашего чувства собственного «я», которую следует рассматривать (на чем я подробно останавлиюсь в последних главах) вместе с принадлежностью к расе и этносу — характеристиками, которые могут иметь такое же первостепенное значение и эмоциональную привлекательность. Растущая значимость наших обществ, а также этносов и рас в сравнении с другими аспектами нашей идентичности может показаться абсурдной. Лауреат Нобелевской премии, экономист и философ Амартия Сен, например, пытается разобраться, почему люди уничтожают свою идентичность в угоду группам, которые становятся важнее всего остального. Приводя в качестве наглядного примера ожесточенные конфликты в Руанде, Сен сожалеет, что «на рабочего хуту из [столицы] Кигали, возможно, оказывается давление, чтобы он считал себя исключительно хуту, и его подстрекают убивать тутси, хотя он не только хуту, но и кигалец, гражданин Руанды, африканец, рабочий и человек»². Подобное разделение и классификации иного рода — одна из тем следующих глав. Когда убеждения, касающиеся представлений о том, что есть общество и кто к нему принадлежит, вступают в конфликт, подозрительность растет и связи рушатся.

На ум приходит слово «трайбализм», указывающее на людей, объединенных чем угодно: от любви к гонкам до отрицания глобального потепления³. Представление о «племени» в этом неточном значении термина — частая тема книг-бестселлеров. Тем не менее, когда мы говорим о племени горцев Новой Гвинеи или о трайбализме по отношению к нашим собственным связям с обществом, мы имеем в виду пожизненное чувство принадлежности, которое порождает любовь и преданность по отношению к своим, но при этом, выражаемое по отношению к чужакам, способно разжигать ненависть и вести к разрушению и отчаянию.

Прежде чем перейти к этим темам, мы обратимся к самому основному вопросу: что такое общество? Как мы увидим, быть

Содержание

Предисловие научного редактора	9
Введение	17

Часть I. Принадлежность и распознавание

1. Чем общество не является (и что это такое)	39
2. Что позвоночные животные получают, находясь в сообществе	57
3. В движении	69
4. Индивидуальное распознавание	82

Часть II. Анонимные общества

5. Муравьи и люди, яблоки и апельсины	97
6. «Крайние националисты»	111
7. Люди-анонимы	133

Часть III. Охотники-собиратели недавнего прошлого

8. Общины	159
9. Кочевая жизнь	182
10. Переход к оседлости	198

Часть IV. Древняя история человеческих анонимных обществ

11. Уханье и пароли	227
---------------------------	-----

Часть V. Функционирование (или нет) в обществах

12. Чувствуя других	257
13. Стереотипы и истории	274
14. Великая цепь	290
15. Великие союзы	304
16. Поставить родственников на место	319

Часть VI. Мир и конфликты

17. Необходимы ли конфликты?	339
18. Хорошие отношения с другими	357

Часть VII. Жизнь и смерть обществ

19. Жизненный цикл обществ	375
20. Динамика понятия «мы»	390
21. Изобретение чужаков и смерть обществ	405

Часть VIII. От племен к нациям

22. Превращение деревни в общество-завоевателя	425
23. Построение и разрушение государства	451

Часть IX. От пленника до соседа... до гражданина мира?

24. Появление этнических групп	477
25. Разделенные, мы выстоим	504
26. Неизбежность обществ	530
Заключение	545
Благодарности	557
Библиография	563
Примечания	643
Об авторе	700

Научно-популярное издание

Моффетт Марк

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОЙ

Естественная история общества

Ответственный редактор Н. М. Галактионова

Художественный редактор М. А. Левыкин

Технический редактор Л. В. Сеницына

Корректоры О. А. Левина, Н. М. Соколова

Верстка Т. А. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная,
д. 12, лит. А

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 06.10.2022. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Octava».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,0.

Тираж 3000 экз. В-СНМ-28928-01-Р. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru